

УДК 001:323

В. Ф. БЕРКОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИИ НА НАУКУ

Рассматриваются два основных типа воздействия идеологии на науку: а) на цели, задачи и результаты научного исследования; б) на научную методологию и институты, т. е. на средства исследования. Показано, что идеология может как способствовать познавательному процессу, так и быть помехой на его пути. Не исключается возможность «пробега» исследовательской мысли, независимого от идеологического воздействия среды и даже от непосредственных интересов первооткрывателя. Подчеркивается, что диалектика остается мощным инструментом современного научного познания.

Ключевые слова: идеология; наука; методология науки; категория практики; диалектика; позитивизм; критерий истинности исторического познания.

Two types of ideology's impact on science are discussed: a) on goals, objectives and outcomes of a research; b) on research methodology and institutions of science, i. e. means of investigation. Ideology is proved to be able to both promote and impede the cognitive process. A researcher's thinking can be independent from the ideological impact of the environment and even from the researcher-pioneer's direct interests. Dialectic is proved to remain a powerful tool for science.

Key words: ideology; science; methodology of science; praxis category; dialectic; positivism; criterion of truth for historic cognition.

Идеология не имеет общепринятого определения. Нередко это понятие трактуется крайне узко и наполняется лишь политическим содержанием. Мы будем использовать термин «идеология» в более широком смысле – для обозначения способа концептуального выражения коренных интересов больших общественных групп (народов, классов, обществ, социальных движений), который включает ориентации правового, политического, этического, эстетического, религиозного, философского и другого характера. Сплачивая представителей той или иной социальной группы, обеспечивая их солидарность, идеология служит своеобразной матрицей выживания, оправдания, осуждения, отвержения, реализации определенных мотивов и целей деятельности, т. е. выполняет методологическую (даже метаметодологическую) функцию.

Идеология общественной группы, обладающей властью, становится государственной. В таковую, например, превратилась идеология национал-социалистов с приходом их к власти в Германии, фактически государственной была идеология коммунистической партии (марксизм-ленинизм) в СССР.

Отношения между идеологией и наукой складываются по-разному. И хотя наука (прежде всего как непосредственная производительная сила) является первопричиной, это не исключает, в соответствии с процедурой «оборачивания в методе» [1, с. 55–57], обратного воздействия идеологии на науку.

Выделим два основных типа воздействия идеологии на науку:

- а) на цели, задачи и результаты научного исследования;
- б) на научную методологию и институты, т. е. на средства исследования.

Рассмотрим возможные варианты первого типа воздействия идеологии на науку.

1. Научное отображение действительности в той или иной степени соответствует идеологическому воздействию, совпадает с интересами и ценностными ориентирами определенной общественной группы. Классический пример – принятие буржуазией как поднимающимся и восходящим классом на начальных этапах развития капитализма системы классической политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо), дающей объяснение работы свободного рынка на базе внутренних экономических механизмов и не допускающей государственного вмешательства в экономику.

2. Идеология игнорирует достижения науки, ее цели и возможности. Тем самым она отрывается от действительности и, как правило, приобретает догматический облик, исключая какой бы то ни было критицизм. Со временем любые научные обобщения оказываются враждебными такой идеологии. Поэтому она проявляет себя весьма агрессивно, особенно если выражает интересы господствующей социальной группы.

Такая идеология обречена на провал и спустя время терпит крах. Так, в 1961 г. на XXII съезде КПСС был принят претенциозный документ – программа построения коммунизма в СССР. Было заявлено: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Программа была рассчитана на 20 лет. Но по истечению намеченного срока Ю. В. Андропов, тогда Генеральный секретарь ЦК КПСС, с горечью признал: «Если говорить откровенно, мы до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся... Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» [2, с. 394]. Этот пассаж был горьким упреком в адрес идеологических авантюристов, пожертвовавших анализом жизненных реалий ради удовлетворения своих политических амбиций.

3. В своих целях и результатах наука уходит в отрыв от идеологии, хотя ее существование и развитие находятся как бы «под прицелом» последней. Идеология санкционирует прежде всего те исследования, которые с ее точки зрения являются актуальными. Сама по себе наука не обеспечивает социальный прогресс. Она способна подсказать ученому, что *можно* исследовать, но не в состоянии указать на то, что *должно* изучаться. Последний вопрос – прерогатива идеологии. Нередко он решается посредством финансового воздействия, обеспечения материальными ресурсами и пр. Но порой, вопреки подобным условиям, открывающиеся перед наукой возможности реализуются ею самой. Такие случаи характерны прежде всего для фундаментальных научных дисциплин. Оправдание соответствующих исследовательских действий и результатов при этом находится в области их метатеоретических предпосылок, дающих возможность непосредственного воздействия (описание, анализ, обоснование и пр.) на эти действия и результаты. Для математика предпосылками такого рода являются, например, абстракции актуальной (либо потенциальной) бесконечности, для естествоиспытателя – идеи детерминизма (либо индетерминизма). В любом случае непрменный ориентир и определитель – это идеал непротиворечивости научного знания.

В условиях избыточной информации «автономный пробег» исследования может дать побочный, непредусмотренный результат. Стремясь к цели, исследователь, образно говоря, не ведает, что творит. Такого рода результаты древние греки называли поризмами. И как свидетельствует история науки, их в творческой деятельности было не меньше, чем ожидаемых.

4. Идеология налагает запрет на достижения науки. Этот вариант характерен для случаев, когда научные помыслы или соответствующие им результаты вступают в противоречие с господствующими идеологическими установками. В этом плане особенно показательны взаимоотношения науки и христианской церкви: гонения против учения Николая Коперника, сожжение Джордано Бруно, преследования Галилео Галилея – позорные страницы истории.

5. Идеология насилует науку, превращаясь в преграду для ее развития или вынуждая идти по ложному пути. Такое пагубное воздействие на себе испытала, например, буржуазная политическая экономия в XIX в. Как только буржуазия завоевала политическую власть, по словам К. Маркса, «пробил смертный час для научной

буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [3, с. 17]. Политическая экономия стала, по оценке К. Маркса, вульгарной. Подобная метаморфоза ожидает любую науку, где наблюдается стремление к точке зрения, которая диктуется не самой наукой как средством достижения объективной истины, а внешними по отношению к ней своекорыстными групповыми интересами.

Теперь обратимся к взаимоотношениям идеологии и науки на более общих уровнях – институциональном и методологическом, т. е. рассмотрим второй тип воздействия идеологии на науку. В этом отношении весьма поучителен исторический опыт СССР. Хорошо известна покровительственная политика руководящей политико-идеологической структуры советского государства в области институционального обеспечения науки. Что же касается методологии, то нельзя обойти вниманием два периода в названных взаимоотношениях: 1930–50-е и 1960–80-е гг. В первом случае методология фактически растворилась в мире идеологических штампов. Ее философский уровень определялся известным параграфом «О диалектическом и историческом материализме» в книге «История ВКП(б). Краткий курс». В качестве критерия научности идеологии выступало следование содержащимся в ней указаниям, малейшее отступление от которых провозглашалось вредоносным и подлежало запрету (как это произошло с кибернетикой, генетикой, теорией относительности, математической логикой, объявленными «служанками империализма»).

Второму периоду характерен сложный процесс десталинизации советского общества. Ослабилось давление идеологического прессы. Произошел поворот от идеологических конструкций к рациональному мышлению. Философия стала возвращаться к творческой разработке собственной проблематики, заметнее начала проявляться ее методологическая функция. Намечался отказ от традиции осмысления действительности, представленной догматизированным историческим материализмом.

На развитие философии тогда сильное влияние оказали опубликованные ранние рукописи К. Маркса, оживившие (после 1920-х гг.) интерес к проблематике отчуждения, реального гуманизма, труда и свободы, культуры и пр. Особое значение имело освоение марксистской идеи практики как философской категории (труды И. С. Алексеева, А. Н. Леонтьева, В. С. Стёпина, Г. П. Щедровицкого, Э. Г. Юдина и др.). Согласно К. Марксу окружающий нас мир – это не просто противостоящий субъекту и созерцаемый им объект, а результат субъективной практической деятельности людей [4, с. 1–3]. Тем самым практике был придан онтологический статус, поэтому не кажется столь уж смелой мысль В. М. Межуева о том, что «практика – это деятельность, совпадающая с действительностью, или действительность в форме деятельности» [5, с. 286]. Отсюда ясно, что действительность есть открытый вопрос за пределами ее практического освоения.

Марксистская категория практики легла в основу принципа деятельностного подхода, который сыграл принципиальную роль прежде всего в рамках самого марксизма. Материалистическое понимание истории – продукт применения этого принципа. В процессе его конкретизации в ряде социально-гуманитарных наук – психологии, науковедении, культурной антропологии, эргономике и пр. – подтвердились идеи, лишь позднее ставшие популярными в западной философии науки (исторический подход к изучению научного знания, необходимость учета социокультурных факторов при анализе его развития и др.). Вместе с тем они, как образно замечает Е. Л. Чертова, «были тем “локомотивом”, который потащил за собой весь состав советской философии из трясины “Краткого курса” на широкую дорогу философского осмысления бытия» [6, с. 69]. Переключение философии с идеологических функций на решение собственно научных задач способствовало нормализации отношений философов с виднейшими естествоиспытателями, организации совместных дискуссий по мировоззренческим вопросам.

Ситуация коренным образом изменилась в конце XX – начале XXI в. Идеология, которая пришла на смену марксизму и стала господствующей на постсоветском

пространстве, стала влиять на методологию науки самым негативным образом. В соответствии с природой и требованиями социальной среды на задний план отодвигаются навыки рационального мышления: для общества потребления они попросту излишни. Многие представители интеллигенции прилагают немало усилий, чтобы представить в одиозном свете и опорочить методологический стержень всякого теоретического мышления – диалектику, а также ее важнейший компонент – диалектическую логику. В одном терминологическом справочнике, например, утверждается, что «диалектическая логика – название философской теории, пытавшейся выявить, систематизировать и обосновать в качестве универсальных основные особенности мышления *коллективистического* общества (средневекового феодального общества, тоталитарного общества и др.) <...> отражала сочетание коллективистической твердости ума с его софистической гибкостью. Результатом ее применения к осмыслению социальных процессов являлась двойственность, мистифицированность социальных структур и отношений» [7, с. 83–84]. Труды классиков марксизма, особенно те, которые имеют большое методологическое значение и должны быть настольными книгами каждого исследователя-гуманитария, вычеркиваются из учебных программ, исчезают с библиотечных полок.

В области методологии науки происходит откат в далекое прошлое. На смену диалектике, выкованной многовековой историей развития философии, науки и общественной практики, приходят «тощие» рекомендации позитивизма, давно изжившего себя, но возрожденного в конце XX в. на потребу социально-политических устремлений современного буржуазного класса и представленного в глянцево-упаковке постмодернизма. Особенно отчетливо это просматривается в социально-гуманитарных науках. Теперь, оказывается, очень просто писать научные труды. Не нужно вскрывать глубинные причинно-следственные связи, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснение, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д. Достаточно ограничиться сбором фактического материала и его первичной обработкой. Описательность становится самой распространенной манерой изложения материала.

Методологические установки, возобладавшие в ряде сфер социально-гуманитарного познания и образовательной практики, ведут, естественно, к фрагментарности и эклектизму получаемых результатов. Научное исследование заменяется его имитацией. Подмена понятий, девальвация терминов, массовое использование иноязычных слов при наличии русских эквивалентов и, едва ли не главное, осознанное нежелание опираться на классические труды предшественников – так теперь создается продукция, представляемая на суд массового читателя. Виртуальность и вариативность, неустойчивость общественной жизни, ее неповторимость требуют, как считают многие отечественные историки, социологи, экономисты, психологи, неповторимых методов анализа. Оправдывается применение любых принципиально невоспроизводимых методик и изложение различных интерпретаций полученных данных. По убеждению бывшего психолога, а ныне политолога и популярного телекомментатора Л. А. Радзиховского, «годятся в дело любые методологические подходы, включая иррациональные, рациональные, интуиционистские и т. д. и т. п., и нет никакого разумного критерия для их разделения на “плохие” и “хорошие”» [8, с. 101].

В социологии наблюдается сдвиг исследовательского внимания с изучения объективных социальных процессов, социальных общностей, социальных структур на анализ их отражения в сознании отдельных групп лиц. Пересматривается предмет социологии, и в качестве такового нередко провозглашается сознание как отражение социальной сферы. Звучат призывы не к представлению социальной жизни в качестве реальности как таковой, а к реконструкциям социального процесса, исходя из множества точек зрения его участников. Анкетные опросы – решающий и едва ли не единственный методологический ориентир в подобного рода исследованиях. Неудивительно, что их результаты обладают крайне ограниченной ценностью и пригодны разве что для создания или коррекции общественного мнения (пиара) во время предвыборных кампаний.

Существует важная проблема запаздывания теоретического осмысления происходящих коренных изменений в общественных отношениях, складывающихся на этапе перехода к постиндустриальному обществу. Очевидно, что для этой цели совершенно непродуктивным оказался путь механического заимствования западных теорий [9, с. 40–41].

Не лучше дело обстоит в области исторического познания. Здесь, в частности, категорически заявляется, что предыдущая историография представила историю белорусского народа в искаженном виде и требуется ее кардинальное переосмысление. Якобы истину следует искать, освещая проблемы этногенеза белорусского этноса, становления и развития его государственности, культуры, взаимоотношений с соседями, освободительной борьбы с *национальной точки зрения* [10, с. 528].

В некоторых исследованиях такая методологическая ориентация стала доминирующей. Например, авторы двухтомника «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI стагоддзя», раз'ясняючы суть своих методологических установок, во время круглого стола, организованного газетой «Звязда», отмечают: «“Гісторыя беларускай дзяржаўнасці” падрыхтавана ў адпаведнасці з нашай нацыянальнай ідэалогіяй. Мы выклалі матэрыял, гістарычныя факты так, як яны выглядаюць, калі падыходзіць да іх з аб'ектыўнага пункту гледжання, з пункту гледжання нас як народа, як нацыі беларусаў. Таму мы лічым вельмі важным даводзіць да шырокай грамадскасці погляд на нашу гісторыю з пункту гледжання беларусаў. Калі мы гэта не будзем рабіць, то можам атрымаць польскі, украінскі, расійскі варыянт нашай гісторыі, а ў нас павінен быць уласны погляд на гістарычныя падзеі, якія адбываліся на нашай тэрыторыі» [11].

Здесь, пожалуй, не место разбираться в загадках, которые ставит этот текст: о сути «нашей нацыянальнай ідэалогіі», о содержании «пункту гледжання нацыі беларусаў», о том, какие белорусы имеются в виду и пр. Эти загадки – предмет особого разговора.

Обратим внимание прежде всего на методологическую несостоятельность такого подхода. Авторами работы «ўласны погляд на гістарычныя падзеі», «падыход з пункту гледжання нас як народа, як нацыі беларусаў» без всякой аргументации выдаются за объективные. Но это неверная посылка, чреватая опасными последствиями, поскольку соответствующие наработки могут использоваться в учебном процессе, идеологической работе и т. д. И уже используются. В частности, авторы указанного издания с чувством исполненного долга сообщают в периодике: «Напрацоўкі Інстытута гісторыі па тэме беларускай дзяржаўнасці сёння актыўна ўключаюцца ў падручнікі і вучэбна-метадычныя дапаможнікі. З 2012 г. мы пачалі чытаць курсы ў ВНУ краіны па гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Сімвалічна: першая ВНУ, дзе мы пачалі такі спецкурс, – Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт» [11].

Диалектика учит, что интерпретация хода событий с позиций отдельного, особенного, причем взятого произвольно, дает, как правило, одностороннее, искаженное отображение действительности. «Уласны погляд на гістарычныя падзеі» *может* оказаться объективным, но лишь тогда, когда он совпадает с научной, т. е. с интересубъективной, независимой от мнений и пристрастий субъекта методологией (кстати, такая методология существует, ее основу составляет концепция материалистического понимания истории, продуктивность данной теории блестяще продемонстрировали К. Маркс и Ф. Энгельс в таких шедеврах исторической мысли, как «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Крестьянская война в Германии» и пр.), где исследуется такое особенное (или даже единичное), которое обладает *существенными признаками* всеобщего. Ориентация же на ту или иную частную идеологию, не выражающую сути всеобщего, может привести лишь к вульгарным представлениям об историческом процессе и породить в конечном счете их польский, украинский, российский, белорусский или прочие варианты с далеко идущими последствиями, что, судя по нынешним событиям на Украине, вовсе не безобидно.

Важный и проблемный вопрос, закономерно встающий перед современной историографией, – истинность познавательных результатов. На базе позитивистских

методологических установок они предстают в виде конгломерата разных точек зрения. В среде современных интеллектуалов непререкаемую поддержку находит мнение, что у каждого своя правда. В самом деле, разве не свидетельствует Война Алой и Белой розы о том, что своя правда была у Ланкастеров, своя – у Йорков, а в иной исторической ситуации – своя у кардинала Ришелье и у герцога Бекингема? Тем самым вопрос об истинности исторического знания снимается сам собой. Любая правда, согласно сторонникам этой концепции, есть его истинность.

Но эта концепция уязвима как с методологической, так и фактологической стороны. Не исключено, например, что при оценке такой известной личности, как советский разведчик Рихард Зорге, найдутся авторы, которые охарактеризуют его по принципу: «с одной стороны», «с другой стороны». Скажут: с советской стороны, он герой и заслуживает наград и славы, с японской – шпион и обоснованно удостоился суровой казни. Согласно такому подходу справедливы обе точки зрения. Однако при мысленном погружении в конкретные обстоятельства обнаружим, что эти правды неравноценны. Первая связана с борьбой против человеконенавистнической политики фашистской Германии и ее союзников, вторая – олицетворение этой политики и потому заслуживает не только неприятия, но и осуждения (что и было сделано на Нюрнбергском процессе).

Таким образом, можно выделить непосредственный, лежащий на поверхности критерий истинности отображения хода истории – совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху. Опосредованно, более глубоко за ними стоят факторы, имеющие основополагающее и решающее значение – движение общества по восходящей линии, открывающее возможности для раскрытия творческих, сущностных сил всех и каждого человека в отдельности. Только на этом пути возможна историография как действительная, невульгаризированная наука.

Итак, существует два основных типа воздействия идеологии на науку: а) на цели, задачи и результаты научного исследования; б) на научную методологию и институты, т. е. на средства исследования. Во всяком случае идеология может как способствовать познавательному процессу, так и быть помехой на его пути. Не исключается возможность «пробега» исследовательской мысли, независимого от идеологического воздействия среды и даже от непосредственных интересов первооткрывателя. Диалектика остается мощным инструментом современного научного познания, ее методологический потенциал далеко не исчерпан. Можно не сомневаться, что она снова будет призвана к высокому служению, когда устаревшие методологические концепции не позволят успешно решать стоящие перед человечеством задачи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.
2. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983.
3. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 23.
4. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
5. Межуев В. М. Историческая теория Маркса и современность // Философское сознание: драматизм обновления. М., 1991.
6. Черткова Е. Л. История исканий и терзаний // Свободная мысль. 2000. № 2.
7. Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1997.
8. Радзиховский Л. А. Логический анализ и проблема понимания в психологии // Вопр. психологии. 1989. № 5.
9. Социологом меня сделала Сибирь (интервью член-корреспондента Российской академии наук, доктора философских наук, профессора Ж. Т. Тощенко главному редактору журнала «Социология» профессору А. Н. Данилову) // Социология. 2014. № 4. С. 37–44.
10. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.]. Мінск, 1994. Ч. 1.
11. Вольф і ўрок гісторыі: БНР як нацыянальная форма беларускай дзяржаўнасці : матэрыялы круглага стала // Звязда. 2013. 26 сак.

Поступила в редакцию 07.04.2015.